

Op83
H34
A-379890-кР

Николай Науменко
Елена Попова

A portrait of a man with a mustache, wearing a black fur hat and a dark fur coat. The background is a textured, warm-toned surface, possibly a wall or a piece of paper. The man is looking directly at the camera.

НАШ ШЕВЧЕНКО

**Традиции
сохраняются...**

Оренбургская региональная общественная организация
«Украинское общество им. Т.Г. Шевченко»

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Николай Наumenко
Елена Попова

НАШ ШЕВЧЕНКО. Традиции сохраняются...

Оренбург 2020
Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Е.К. Крупской»

Op 83
M 34

Op 83.31

83.3(4Укр)52-8 Шевченко Т.Г.

+ Op 66.5
+ Op 63.5

а-349890

кр

ВВЕДЕНИЕ

«Завершился 2014 год, год 200-летия великого Кобзаря, но продолжается работа по сохранению украинской культуры и народных традиций, делается всё возможное, чтобы на оренбургской земле не угасала память о великом сыне Украины Тарасе Григорьевиче Шевченко».

Из выступления Н.П. Наumenко на заседании правления Оренбургской областной украинской организации в 2015 году.

Неслучайно мы начали свою книгу этой цитатой из выступления Николая Петровича Наumenко, потому что красной нитью пройдёт по всему нашему повествованию простая, казалось бы, истина – украинцы Оренбуржья помнят и чтят свои корни.

В 2014 году, к 200-летию Тараса Григорьевича Шевченко, небольшим тиражом (140 экземпляров), вышла книга «Наш Шевченко», в нашем же соавторстве – Николай Наumenко, Елена Попова.

Это была наша дань уважения величайшему человеку, поэту, художнику Тарасу Шевченко, а так же возможность рассказать об украинцах, которые проживали и проживают в нашей области.

Прошло шесть лет, не единожды нас просили книгу переиздать, тем более, что она в первый же год разошлась по библиотекам Оренбурга и области, в частные библиотеки членов украинской организации, в библиотеки столицы, при содействии Украинского Культурного центра Москвы, в Башкирию, Казахстан. Поэтому мы решили, что раз первая книга получилась, её просят переиздать, то быть новой книге – «Наш Шевченко. Традиции сохраняются».

Первая глава книги, которую Вы сейчас читаете, будет полностью и без изменения перепечатана из нашей первой книги «Наш Шевченко», уж такова воля читателей, а вот вторая часть претерпит изменений и дополнений. Время идёт, меняются люди, которые работают в нашей организации, появляются новые творческие коллективы.

Читайте, возможно, если дело дойдёт до написания третьей книги, то там прозвучит и Ваше имя.

ГЛАВА 1.

Волею судеб, миллионы украинцев в разное время и по разным причинам были вынуждены переселяться в другие страны, на другие континенты. Когда-то Генрих Гейне говорил о Библии как «переносной Отчизне» евреев – с ней они, гонимые, шагали по миру, так и поэзия Тараса Шевченко, стала связующей нитью с Родиной для миллионов украинцев. Эта поэзия давно стала нетленной частью духовного естества украинского народа.

О Шевченко написана не одна сотня книг на языках разных народов мира, не одна тысяча научных изысканий и статей. Ведь имя Кобзаря – писателя-классика, поэта, художника с мировым признанием, является одним из национальных символов для тысяч украинцев, проживающих во всех частях света. Это имя означает единство культуры, почитание народных традиций и уважение к родному языку, свободу от рабства и борьбу против несправедливости, волю к жизни и духовную стойкость. Тарас Шевченко является неотъемлемой частью и российской культуры, поскольку большая часть его жизни и творчества проходила на территории России.

Прожил Тарас Григорьевич сорок семь лет. Десять из них, самых зрелых (1847-1857), он провёл в батальонах Отдельного Оренбургского корпуса. Во многих местах обширнейшего степного края довелось ему жить и творить, разными людьми общаться, полагаться на помощь некоторых из них. Эти годы стали для Шевченко не толь-

ко годами ссылки и лишений, но и годами духовного роста, ведь именно здесь он написал треть того, что он вообще создал в течение всей своей жизни. Глубокий след оставил Кобзарь в истории Оренбуржья.

В российских школах не изучают произведения и биографию Тараса Григорьевича Шевченко, а фигура Кобзаря никогда не воспринималась однозначно. Ещё в 1879 году Драгоманов в своём труде «Шевченко, украинофилы и социализм» насчитал не один десяток разных до взаимоисключения версий Шевченковского образа. Время же неумолимо расширяло эту палитру. Но вдумчивый читатель, имея представление о времени, в котором жил и творил гений, взяв в руки сборник произведений Шевченко, без особого труда сможет отслоить с его текстов разную идеологическую мишуру. Он защитит себя сам...

В 1967 году Леонид Мартынов писал в своём стихотворении «Дневник Шевченко»:

Теперь,
Когда столь много новых книг
И многому идет переоценка,
Я как-то заново прочел дневник
Шевченко.

И увидел я Шевченко —
Великого упряма, хитреца,
Сумевшего наперекор запретам
Не уступить, не потерять лица,
Художником остаться и поэтом,
Хоть думали, что дух его смирят
И памяти о нем мы не отыщем...

А память о Тарасе Григорьевиче хранят...

...Был ли шанс у человека, который родился в крепостной крестьянской семье в 1814 году в селе Моринцы Звенигородского уезда Киевской губернии, стать величайшим поэтом Украины? - Ничтожно мал. Как и стало бы незаметным событие, о котором была сделана запись в метрической книге Богословской церкви этого села под рубрикой «У кого

кто родился»: «Число рождения – 25 (25 февраля, то есть 9 марта по новому стилю). У жителей села Моринец Григория Шевченко и его жены Катерины родился сын Тарас». И никто не мог тогда подумать, что произошло событие, которое свяжет Моринцы с большим миром, даст ещё одну яркую краску в палитру мировой жизни. Что родился тот, чьё имя станет в ряд с величайшими поэтами человечества.

Село Моринцы, где родился Шевченко, село Кирилловка, где проходило его детство, другие соседние сёла были собственностью генерал-лейтенанта Василия Васильевича Энгельгардта, который владел 18-ю тысячами душ крепостных мужского пола.

О раннем своем детстве поэт вспоминает в одном из русских рассказов «Княгиня», писанных им в ссылке: «...Передо мною наша бедная, старая, белая хата, с потемневшею соломенною крышею и черным дымарем; а около хаты, на прычилку, яблоня с краснобокими яблоками, а вокруг яблони цветник, любимец моей незабвенной сестры, моей терпеливой, моей нежной няньки. А у ворот стоит старая развесистая верба, с засохшею верхушкою; а за вербою стоит клуня, окруженная стогами жита и разного всякого хлеба; а за клунею, по косогаору, пойдет уже сад, а за садом — левада; а за левадою — долина, а в долине тихий, едва журчащий ручеек, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, темно-зелеными лопухами. А в этом ручейке, под нависшими лопухами, купается кубический, белокурый мальчуган; выкупавшись, перебегает он долину и леваду, вбегает в тенистый сад и падает под первую грушею или яблонею, и засыпает настоящим невозмутимым сном. Проснувшись, он смотрит на противоположную гору, смотрит, смотрит и спрашивает у себя: «А что же там за горою? Там должны быть железные столбы, что поддерживают небо. А что, если бы пойти да посмотреть, как это они его подпирают? Пойду да посмотрю! ведь это недалеко». Встал и, не задумавшись, пошел он через долину и леваду прямо на гору. И вот выходит он за село; прошел царину, прошел с полверсты поле; на поле стоит высокая, черная могила. Он вскарабкался на могилу, чтоб с нее посмотреть, далеко ли еще до тех железных столбов. Стоит мальчуган и смотрит во все стороны: и по одну сторону — село, и по другую сторону — село, и там из темных садов выглядывает трехглавая церковь, белым железом крытая; там тоже выглядывает церковь из темных садов и тоже белым железом крытая.

Задумался мальчуган: «Нет, — думает он, — сегодня поздно, не дойду я до тех железных столбов; а завтра, вместе с Катрею, — она

новивши, спросили: «А куди мандруеш, парубче?» — «Додому!» — «А де ж твоя дома, небораче?» — «В Керелівці!» — «Так чого ж ти йдеш у Моринці!» — «Я не в Моринці, а в Керелівку йду». — «А коли в Керелівку, так сідай на мою мажу, товарищу, ми тебе доведемо додому». Посадили его на скрынку, что бывает в передке чумацкого воза, и дали ему батога в руки, и он погоняет себе вола, как ни в чем не бывало. Подъезжая к селу, он увидал свою хату на противоположной горе и закричал весело: «Онде, онде, наша хата!» — «А коли ти вже бачиш свою хату, — сказал хозяин воза, — то і йди собі з богом». И, снявши мальчугана с воза, спустил его на землю и, обращаясь к товарищам, сказал: «Нехай іде собі з богом!» — «Нехай іде собі з богом!» — проговорили чумаки, и мальчуган побежал себе с богом в село. А на дворе уже смеркало, когда я (потому что этот кубический, белокурый мальчуган был не кто иной, как смиренный автор сего, хотя и не сентиментального, но тем не менее печального рассказа) подошел к нашему

до череды коров погонит, а я пойду к железным столбам; а сегодня одурю Микиту: скажу, что я видел железные столбы, те, что подпирают небо». И, скатившись кубарем с могилы, он встал на ноги и пошел, не оглядываясь, в чужое село; к его счастью, встретились ему чумаки и, оста-

новивши, спросили: «А куди мандруеш, парубче?» — «Додому!» — «А де ж твоя дома, небораче?» — «В Керелівці!» — «Так чого ж ти йдеш у Моринці!» — «Я не в Моринці, а в Керелівку йду». — «А коли в Керелівку, так сідай на мою мажу, товарищу, ми тебе доведемо додому». Посадили его на скрынку, что бывает в передке чумацкого воза, и дали ему батога в руки, и он погоняет себе вола, как ни в чем не бывало. Подъезжая к селу, он увидал свою хату на противоположной горе и закричал весело: «Онде, онде, наша хата!» — «А коли ти вже бачиш свою хату, — сказал хозяин воза, — то і йди собі з богом». И, снявши мальчугана с воза, спустил его на землю и, обращаясь к товарищам, сказал: «Нехай іде собі з богом!» — «Нехай іде собі з богом!» — проговорили чумаки, и мальчуган побежал себе с богом в село. А на дворе уже смеркало, когда я (потому что этот кубический, белокурый мальчуган был не кто иной, как смиренный автор сего, хотя и не сентиментального, но тем не менее печального рассказа) подошел к нашему перелазу; смотрю через перелаз на двор, а там, около хаты, на темном, зеленом, бархатном спорыше, все наши сидят себе в кружке и вечерают; только моя старшая сестра и нянька Катерина не вечерают, а стоит себе около дверей, подперши голову рукою, и как будто посматривает на перелаз. Когда я высунул голову из-за перелазу, то она

вскрикнула: «Прийшов, прийшов!» Подбежала ко мне, схватила меня на руки, понесла через двор и посадила в кружок вечерять, сказавши: «Сідай вечерять, прибудо!» Повечерявши, сестра повела меня спать и, уложивши в постель, перекрестила, поцеловала и, улыбаясь, назвала меня опять прибудою. Я долго не мог заснуть; происшествия прошлого дня мне не давали спать. Я думал все о железных столбах и о том, говорить ли мне о них Катерине и Миките или не говорить? Микита был раз с отцом в Одессе и там, конечно, видел эти столбы: как же я ему буду говорить о них, когда я их вовсе не видал? Катерину можно б одурить... нет, я и ей не скажу ничего; и, подумавши еще недолго о железных столбах, я заснул...»

Воспоминание это относится, вероятно, к 5-6-летнему возрасту Тараса. Странно только, что он не говорит здесь ничего о своей матери, которая в ту пору была еще жива. До смерти матери, живя под ее крылышком, Тарас не знал горя. Но с ее смертью (1823 г.) для него начался ряд тех житейских невзгод, которые преследовали поэта до самой могилы.

После смерти жены у Шевченко-отца осталось пятеро детей: Никита, Катерина, Тарас, Ирина и Осип. Последнему было года полтора. В крестьянском быту вдовцу с таким семейством жить трудно; необходима женщина, которая бы и по хозяйству хлопотала и за детьми при-

смотрела. Поэтому очень естественно, что скоро в семью Шевченко вошла мачеха.

По народным понятиям, образ мачехи постоянно соединяется с чем-то недобрым, эгоистическим; не добро внесла мачеха и в дом Шевченко, хоть и была младшей сестрой матери Тараса. Оксана осталась вдовой за четыре года до этого, поэтому родственники посчитали, что Григорию она будет хорошей помощницей. Как они же оказались неправы! Своим сварливым характером Оксана вскоре совсем «выжила» из дома Григория, и тот отправился чумаковать, чтобы иметь возможность не так часто с ней общаться.

Так же у мачехи были дети от первого брака, и от них-то маленькие Шевченко терпели особенно много горя; больше всех доставалось неуступчивому Тарасу, постоянно с ними ссорившемуся. «Кто видел хоть издали мачеху, — говорит сам Тарас Григорьевич в том же рассказе «Княгиня», — и так называемых сведенных детей, тот, значит, видел ад в самом отвратительном его торжестве. Не проходило часа без слез и драки между ними, детьми, и не проходило часа без ссоры и брани между отцом и мачехой. Мачеха особенно ненавидела меня, вероятно, за то, что я часто тузил ее тщедушного Степанка...». Ссоры эти со стороны Тараса вскоре превратились в ненависть, и вот по какому случаю: один из сведенных братьев украл у своего постоянного-солдата три злотых; тот огляделся и стал их искать. Мачеха изъявила подозрение на пасынка — Тараса; этот божился в своей невинности, но мачеха стояла на своем: «Гроші украв Тарас» («Деньги украл Тарас»). Последний продолжал отнекиваться; тогда ему связали руки и ноги и розгами, щедро посыпавшимися из рук его дяди, думали вынудить признание... От боли Шевченко принял преступление на себя, но когда его развязали и спросили, куда же он девал украденные деньги, отвечал, что он закопал их там-то в саду; когда ему приказали указать место определеннее, Шевченко снова отперся, и пытка снова началась... Но ничего больше не добились, и бедный пасынок брошен был чуть не замертво. Между тем, солдата удовлетворить было необходимо, для чего и продали юбку покойной матери. Настоящий вор открылся уже гораздо позже.

Вскоре за этим событием Тарас Григорьевич был отдан отцом к мещанину Губскому на выучку. Грамота ему далась: букварь Шевченко выучил очень скоро; только Губский никак не мог справиться со своим учеником, чтоб унять его от проказ. Шевченко то и дело уходил от своего учителя и всегда, бывало, напроказничает при этом. Отец тоже напрасно

старался унять его... и, умирая (1825 г.) высказал, между прочим, замечательное пророчество насчет будущности сына: «Синові Тарасу із мого хозяйства нічого не треба; він не буде абияким чоловіком: з його буде або щось дуже добре, або велике ледащо; для його моє наслідство або нічого не буде значить, або нічого не допоможе» («Сыну Тарасу из моего хозяйства ничего не оставлю; он не будет обычным человеком: с него будет или что-то очень хорошее, или большой лодыр, для него мое наследство будет либо ничего не значить, или ничем не поможет»)...

После смерти отца Шевченко отдан был в школу к сельскому дьяку Бугорскому, где выучил часослов и псалтырь. Потом перешел он к священнику Нестеровскому, у которого выучился писать, и затем почему-то снова возвратился к Бугорскому.

У Бугорского, как и Губского, Тарас, по преданию, учился хорошо, но учитель никак не мог помириться с его непосидчивостью, чему, впрочем, и сам бывал причиною по своей непомерной с ним строгости. Тарас очень часто бросал школу и обыкновенно в это время скитался по разным пустырям. Любимым убежищем его в таких случаях был сад односельчанина Шевченко. Здесь, в калиновом кустарнике, беглый школяр устроил себе уютное убежище от школьной розги: очистив площадку и посыпав ее песком, он сложил себе из дёрна нечто вроде постели и уединялся сюда, когда становилось ему не под силу терпеть школьные муки. В этом убежище Шевченко оставался иногда по нескольку дней при помощи своих сестер, которые снабжали его в таких случаях съестным, и вообще покрывали проказы брата, чтобы избавить его от лишних пинков дьяка и мачехи.

Бывало в школе я когда-то
Лишь зазевается дьячок,
Стяну тихонько пятачок.
Ходил я весь тогда в заплатах,
Таким был бедным – и куплю
Листок бумаги. И скреплю

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66